

О. И. Ханкевич

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО СТАТУСА В АНТИЧНОСТИ

Всякое древнее государство предполагает наличие централизованных органов управления, обусловленных притязаниями на законность контроля и управление данной территорией. По наблюдению современных политологов, генерация власти связана с использованием деятельности человеческих существ, акторов. Это так называемые нематериальные авторитативные ресурсы, проистекающие из господства одних акторов (*страта управителей*) над другими (*страта управляемых*)¹. Организация и упорядочение социальной жизни напрямую связаны с выработкой сначала на вербальном, а затем и письменном уровне предписаний власти (*конститутивные нормы*) и правил поведения в общественной и частной жизни (*регулятивные нормы*). Такие предписания и правила предполагают систему штрафных санкций, которые носят сначала неформальный характер и применяются в отношении житейских повседневных практик. С появлением развитой государственности санкции приобретают жестко фиксированный характер.

Современные исследователи связывают возникновение устойчивых моделей общественной жизни с формированием таких социально обусловленных правил поведения. «Вряд ли правомерно сводить государство, – замечает В. А. Якобсон, – <...> к государственному механизму, его институтам и учреждениям и забывать о том, что государство – это прежде всего люди, определенным образом организованный человеческий коллектив». На ранних стадиях развития государственности важнейшими являлись социально-психологические факторы, поскольку поддержание гомеостаза достигалось путем осуществления социального контроля, главным орудием которого было общественное мнение, т. е. индивидуальная и социальная психология. С усложнением общественных отношений важнейшее значение приобретает организаторская функция государства, а также учет противоречивых интересов различных частей общества. Степень интериоризации поведенческих норм резко уменьшается, общественное мнение перестает быть единогласным. Именно противоречия между свободными и создает, заключает В. А. Якобсон, государство, которое

оказывается полезным и для множества других целей, как внешних, так и внутренних².

Включенность, интегрированность человека в общество, построенного на правовом единстве, преобразует фактического человека в свободного индивида. «В понятийном плане гражданское общество, – пишет Д. В. Дождев, – это общество, интегрированное с точки зрения права». Говоря другими словами, это «система социальных связей, опосредованная правом». Гражданское общество аналитически представлено в древнеримской политико-правовой теории с точки зрения права частного. Государство же, заключает ученый, «это общество, интегрированное с точки зрения организации политической власти, регулируемой нормами публичного права»³. С позиций цивилизационного подхода к типологии государств за основу классификации берется прежде всего соотношение государства и личности. В соответствии с таким подходом различаются государства традиционные и современные, или конституционные. При этом следует уточнить, что такие общесоциологические понятия, как *цивилизация*, *государство*, *культура* и т. п., всего лишь рабочий инструмент историков и обществоведов, с помощью которого они структурируют и изучают историю человеческого общества. Парадоксально, но факт, что ни греки, ни римляне, выработавшие в теории и на практике принципы демократического государства, не использовали термин «государство» в современном смысле этого слова. У них были обозначения форм правления (монархия, тирания, аристократия, олигархия, демократия) и общественного устройства (полис, *цивитас*, республика). *Полис* и *цивитас* – гражданская община с республиканской формой правления. В представлении самих римлян *цивитас* – всякое упорядоченное человеческое сообщество (в том числе и варварское), *республика* – достояние (дело) всех членов такого сообщества. Превосходство своей *цивитас* римляне видели как в высоких добродетелях своих граждан, так и в ее совершенном устройстве, сочетавшем законность и все лучшее, что есть в других формах правления⁴. Обратимся к социальной и юридической картине древнеримского общества, системе его ценностей. Заметим, что подобный анализ возможен на материале как юридических установлений и правовой мысли римлян, так и исторических сочинений античных авторов.

Итак, древнеримская политико-правовая конструкция *res publica* означала, что власть является общим делом, достоянием всех гражд-

дан. Член римской гражданской общины – *civis*, участник и исходный субъект гражданско-правовых отношений. Но чтобы быть им, надо было быть свободным человеком. Свобода (*libertas*) имела главное значение среди римских социальных ценностей. Конструкция *leges libertasque* (законы и свобода) означала конституцию Римской республики, а *libera lex* (открытый закон) – совокупность прав свободного человека. *Римское частное (гражданское) право*, в сущности, формализованная воля субъектов, определявшая характер их взаимосвязей через *lex privata*. Именно в Древнем Риме возникло впервые понимание права как формы индивидуальной свободы. В той же шкале социальных ценностей очень значимой была и органическая связь положения самостоятельного хозяина с положением свободного человека, так как работавший на другого не считался полностью свободным, а получаемая им плата являлась, по словам римлян, «ценой рабства». Как замечает Е. М. Штаерман, «понятие античной свободы соответствовало именно представлению крестьянина-общинника, для которого свобода в первую очередь определялась экономической независимостью самостоятельного хозяина». Только тот, кто имел и возделывал надел, входивший в земельный фонд общины, кто был обладателем этого фонда, мог быть полноправным сочленом коллектива общинников, участвовать в решении его дел, свободно высказывать свое мнение. В римских городах только обладатель земельного надела (в этом одна из особенностей античного города) мог быть магистратом и декурионом, т. е. членом городского совета (*курии*). Арендатор, прекарист, батрак, клиент фактически обязаны были подчинять свою волю и мнение землевладельцу, допустившему безземельного человека к работе на земле, заключает исследовательница⁵. Свободные граждане составляли основу ополченческой армии полисного государства, в котором военная служба была особой формой социального возвышения. Даже в эпоху *принципата* (I–III вв.), когда возникла уже профессиональная армия, римляне не отказались от идеи войска, состоящего из граждан. С эпохи *домината* (IV–V вв.) к службе в легионных частях стали активно привлекать как граждан провинциального происхождения, так и наемников из варварских племен, но преторианские когорты, выполнявшие функции личной гвардии и административно-полицейского надзора, по-прежнему комплектовались исключительно из римских граждан. При выходе в отставку легионеры получали расчетную сумму в 3 тыс. денариев и

участок земли в родном городе, где они становились членами городских курий, т. е. декурионами⁶.

Примечателен и античный тип идентификации и определения человека как *свободного* по его участию в публичной и политической деятельности. Девиз полисных граждан звучал так: «Жить хорошо – значит жить общественной жизнью». Греческое слово *идиот* означало человека, замкнувшегося в частной жизни и не принимающего участия в общественных делах. Именно искусство общения, умение доступно и ярко говорить (устная, вербальная коммуникация преобладала в античности) определяли лицо всякого политика того времени. И если условием социализации в буржуазных демократиях выступают труд и материальная обеспеченность, дающие человеку свободу, то в античном мире отличительным качеством свободного человека считалось, в принципе, обладание досугом. Одно и то же греческое слово *схоле* обозначало и свободное время, и интеллектуальные занятия, которыми мог заниматься только свободный человек. Отсюда через средневековое посредство и наше слово *школа*. Правда, на исходе античности досуг превратился в праздность и стал причиной нравственной деградации граждан. М. Л. Гаспаров пишет: «В Рим стекалось богатство, за богатством следовал досуг, за досугом – тоска. У дедов катулловского поколения на тоску не оставалось времени: оно шло на военные походы, на возделывание полей, на управление делами общины <...>. Теперь войну вели профессиональные солдаты, поля обрабатывали пленные рабы, а политика превращалась в борьбу за власть, в которой каждый чувствовал себя обиженным. Досуг приглашал задуматься <...>, кто же пытался думать, тот приходил к выводу об относительности всех ценностей»⁷. Еще более откровенно сказали об этом сами римляне: «И сенаторы, и народ днем и ночью, в праздники и в будни толпятся на Форуме и заняты одним делом: давать обещания и обманывать так, чтобы не попасться; расставлять западни, как будто все враги всех».

Помимо политического и юридического аспектов свободы существуют еще и экономические гарантии личной свободы. В мировом антиковедении аксиомой является положение о существовании в Древнем Риме развитой *частной собственности*⁸. Сами римские юристы относили этот институт к области частного права. Они определяли собственность как абсолютное индивидуальное право лица на

вещь с полномочиями отстранения несобственника и свободы отчуждения. Д. В. Дождев, автор фундаментального учебника по римскому частному праву, рассматривая вопрос о сопряженности собственности и правосубъектности, говорит: «Собственность конституирует субъекта правового общения – свободного индивида, обеспечивая ему материальную независимость»⁹. Древнеримское понятие *proprietas* восходит к латинскому *proprius* в значении «свойственный данному лицу», «лично ему присущий». Именно на этой основе византийская юриспруденция выработала термин *proprietas* (син. *dominium*) в значении *собственность*. Изначально этот институт возник в рамках римской семьи и бином *familia pecuniaque* охватывал все имущество домовладыки – и членов семьи, и рабов, и домашний скот, и материальные вещи. *Pecunia* (от *pecus* – домашнее животное) – то имущество, которое было объектом юридических актов. Только домовладыка (*pater familias*), являвшийся в рамках патриархальной семьи *persona sui iuris* (лицом своего права), имел распорядительные полномочия (*auctoritas*) по решению хозяйственных вопросов (Дигесты, I. 6. 4). Все остальные члены семьи, включая и взрослых сыновей, находились в его распорядительной власти (*potestas*) и были лицами чужого права (*personae alieni iuris*). Таким образом, римские реалии быта, зафиксированные в письменной традиции, демонстрируют изначальную структурированность древнеримского общества по линии семьи, единственным полноправным лицом в которой был ее глава. Привилегированный статус домовладыки как юридического распорядителя семейным имуществом сохраняется и в классический период (I–III вв.), т. е. в эпоху принципата. Символом законной собственности являлось в республиканском Риме (V–I вв. до н. э.) копьё (*hasta*), которое выставлялось в суде *центумвиров* (суд ста мужей), разбиравшем дела о собственности. Поэтому жезл центумвира стал символом судебной власти в целом. Гражданская община в лице специальных магистратов – цензоров, раз в пять лет проводивших *ценз*, т. е. перепись граждан и оценку их имущества, ограничивала лишние затраты и роскошь граждан. «Расточавшие» свое имущество лишались права собственности, а ее излишки изымались в затруднительных для республики ситуациях путем принятия специальных законов «о роскоши». С конца III до середины I вв. до н. э. в Римской республике было принято семь таких законов¹⁰.

Гражданская община (греч. *полис*, лат. *цивитас*) являлась структурирующим ядром античного общества. Само слово *общество* изобретено в античности – греч. *койнония*, лат. *социалитас*. Человек реализуется через правовое членство в обществе. А общество, сохраняя свойства множественности, системы социальных связей, обеспечивает правовую автономию индивидов. Полноправные граждане – господствующий класс любого древнего общества (класс в этом смысле совпадает с сословием). Именно по статусу человека и его обязанностям происходила в древности социальная стратификация. В римской *цивитас* республиканской эпохи объем гражданских привилегий и обязанностей был напрямую связан с категориями *status* и *caput*. Совокупность правовых качеств, выражавших включенность субъекта в ту или иную сферу социальной жизни, регулируемую нормами права, определяла статус лица. Гражданская правоспособность (*caput*) предполагала наличие трех статусов: *libertatis* (свободы), *civitatis* (гражданства), *familiae* (семейный статус). Подчинение семьи гражданской общине свидетельствует о существовавшей в Древнем Риме иерархии общественных статусов: с утратой статуса гражданства одновременно утрачивался и семейный статус. Современные романисты выделяют следующие критерии для определения места человека в социальной структуре древнеримской *цивитас*: возможность владеть имуществом, получать и передавать его по наследству, вступать в брак, свидетельствовать в суде, быть отпущенным на волю или подвергнутым наказанию, иметь привилегии и обязанности в различных сферах общественной жизни – политической, военной, сакральной. Причем абстрактная всеобщность римского *ius civile* не исключала, по словам Д. В. Дождева, с одной стороны, правовые привилегии полноправных граждан, с другой – особые нормы для отдельных групп свободных лиц: малолетних, чиновников, военных, женщин, умалишенных, расточителей (Гай. Институции, I. 53). Все это, заключает ученый, «является одним из последовательных проявлений принципа формального равенства, поскольку такие нормы корректируют всеобщую абстрактность правовой меры (нормы) применительно к возрастным, половым, психическим и деловым качествам различных членов общества»¹¹.

Помимо собственно римских граждан среди свободных лиц выделялась и категория *латинов*, в которой существовали свои статусные градации. Например, *latini iuniani* не располагали *ius conubii* (*правом*

на законный брак с римлянами) и не имели ни активной, ни пассивной *testamenti factio*, т. е. права завещать и получать по завещанию (Гай. Институции, I. 22–24). Поэтому о них говорили: «Живут как свободные, умирают как рабы». Небезынтересным представляется и категория *гражданской чести*. Чтобы иметь честь, нужно было быть римским гражданином; таковой не имели *пегрины* (чужеземцы) и *рабы*. При потере статусов свободы и гражданства уважение к гражданину утрачивалось. В римском праве было выработано и представление об *уменьшении чести* (*minutio existimationis*) по причинам, установленным законом. Сюда относятся случаи отказа свидетельствовать в суде о заключенной сделке, составления пасквилия на какого-либо гражданина, двойное обручение. *Бесчестье* (*infamia*) наступало вследствие занятия безнравственными (с точки зрения римлян) промыслами – сводничеством, проституцией, актерской профессией. Последствия для *persona turpis* (лица, подвергнутого бесчестью) были достаточно суровыми: лишение права занимать общественные должности, выступать в процессе, быть опекуном (Гай. Институции, IV, 182; Дигесты, III. 2. 1–25). Таким образом, с точки зрения статуса население республиканского Рима делилось на римских граждан – «на род господ» и латинских граждан, имевших урезанные права, что свидетельствует о наличии дефектности в системе гражданских связей в римской *цивitas*.

Выработав представление о необходимости реализации природы добродетельного человека в общественно-политической жизни, греки и римляне сформировали и критерии понятий *добродетель*, *справедливость* (*aequitas*, *ius*). Синтез человека нравственного и человека политического достигается, по их представлениям, в праве, которое воплощает принцип равного отношения к другим людям. Аристотель говорит: «Несправедливым называют как нарушающего закон, так и берущего лишнее с других, а также человека, неравно относящегося к другим людям»¹². Характеризуя добродетельного и нравственного гражданина, римляне называли такие его качества, как *virtus* (мужество), *clementia* (кроготь, милосердие), *iustitia* (справедливость) и *pietas* (благочестие). Межличностные контакты римских граждан строились на принципе *fides* (вера, доверие), который гарантировался в архаический период магическими и религиозными средствами: обмен тотемами, гаданиями, клятвами. Однако такие ритуальные действия с правовым эффектом опять же были доступны только римлянам

и латинам, обладавшими в частноправовой сфере *ius commercii* – правом владеть имуществом и совершать с ним различные операции, вплоть до отчуждения. Отстранение *чужаков* (*hostes*) от *commercii* определяет, в сущности, общинную замкнутость римской правовой системы. В Первую Пуническую войну (III в. до н. э.) олицетворенной и обожествленной Верности на Капитолийском холме был сооружен специальный храм, в котором размещался государственный архив (здесь хранили постановления сената, тексты международных договоров, соглашения частных лиц). Жреческая коллегия, служившая при храме Верности, совершала в ее честь возлияния молоком и вином из чаши, называвшейся *spondeum*. Поэтому устная клятва при заключении частных сделок звучала в Риме так: *Dari spondes?* (обещаешь дать?), *spondeo!* (обещаю!), после чего следовало рукопожатие контрагентов. Такая форма заключения сделки получила у римлян название *стипуляции*, а термин *sponsor* (в римском праве – *поручитель*) вошло в современную европейскую лексику. Соединение правых рук, символизовавших верность заключенному договору, часто изображалось на римских монетах. Принцип же справедливости (*bona fides*) стал нормативной основой обязательственного права в целом¹³.

Социальному делению и системе ценностей Древнего Рима соответствовала сложившаяся там иерархия профессий. К высшему разряду принадлежали люди *благородного происхождения* и *образа мыслей*. Это философы, юристы, врачи, преподаватели юридических школ и школ ораторского мастерства. Их деятельность определяется в источниках как высокопочитаемые занятия, или «дружеские» услуги, которые не подлежат материальной оценке и поэтому не нуждаются в правовой защите. Доходы *благородных* считались не заработком, а вознаграждением (*honorarium*). Однако в эпоху классического права тяжбы по поводу гонорара стали обычным явлением, но рассматривались они в экстраординарном судопроизводстве. Статус благородного человека, предполагавший безвозмездные и бескорыстные действия, распространялся и на адвокатов, которые поддерживали и защищали в суде своим влиянием и красноречием друзей и клиентов. Поскольку в эпоху принципата адвокатами все чаще становились небогатые и незнатные люди, император Клавдий (41–54 гг.) официально установил им гонорар, который не должен был превышать 10 тыс. сестерций. Этот гонорар адвокаты и могли теперь истребовать в суде *extra ordinem*. Но чаще всего претор (легат) или наместник провинции лич-

но вел (*cognoscere*) подобное разбирательство, приняв на себя обязанности судьи. К среднему профессиональному разряду принадлежали учителя начальных школ и служащие императорской канцелярии, а к низшему – работники прочих специальностей, в которых преобладал физический труд. Эти люди могли работать по договору найма (*locatio-conductio*), в котором строго оговаривались характер работ, их объем и цена (Дигесты, XIX. 18–22). Однако в общественном сознании того времени наемник мало чем отличался от раба. Занятия мастеров-искусников (в том числе артистов, музыкантов и художников), а также чернорабочих считались «презренными ремеслами» (*artes sordidae*), а их исковые требования рассматривались в обычном судебном порядке¹⁴.

Абстрактная всеобщность права не означает, что действующее в данном обществе право распространяется на все население. Некоторые группы, например рабы, могут быть исключены из сферы действия права. Именно с позиции статуса свободы в римском обществе различались *свободные* и *рабы* (Дигесты, I. 5. 3). Анализ правового положения рабов в Римском государстве показывает, что на протяжении всей истории его существования прослеживается четкая поляризация свободного и рабского состояний человека. В контексте данной публикации важно отметить, что возможность свободы, как и рабства, определяется наличием гражданской организации общества. Раб (*servus*) находился вне политического и гражданского общества и с точки зрения его юридического статуса был объектом права. Специфика древнеримского рабства заключалась в том, что рабы принадлежали господам на основании права *квиритской собственности*, доступной только римским гражданам. Подвластное состояние раба как лица было неразрывно связано с его *пребыванием в имуществе* (Гай. Институции, I. 54). В итоге раб был связан с гражданской общиной через семью и личность своего господина. Но правовой статус человека мог меняться, что свидетельствует о наличии в древнеримском обществе вертикальной социальной динамики, связанной с отношениями господства – подчинения. Раб мог быть отпущен на волю, а свободный утратить свободу вследствие пленения римлянина или его осуждения. Однако порабощение гражданина за долги с конца IV в. до н. э. запрещалось, и кабальный должник считался в Риме юридически свободным, а вот попавший в рабство лишался защиты закона. В республиканскую эпоху раб не мог иметь ни своего имущества, ни

своей семьи. В случае совершения рабом деликта он подлежал, по Законам XII таблиц, выдаче потерпевшему его господином. Последний обладал в отношении своих подвластных правом жизни и смерти (*ius vitae ac necis*) (Гай. Институции, I. 52; Дигесты, I. 6. 1). В I в. н. э. в Риме был принят закон, по которому в случае убийства господина все рабы, находившиеся в доме, приговаривались к смертной казни¹⁵.

В эпоху классического права в римском обществе укрепляется представление о человеческой природе раба, т. е. *de facto* признается отсутствие природных различий между свободным и рабом, что нашло отражение и в законодательстве, хотя философ Сенека и в I в. именует рабов «потерянными и зловредными душами». Однако нанесение телесных повреждений рабу рассматривалось уже как *iniuria*. Запрещается подвергать рабов особо жестоким наказаниям, например отдавать на съедение диким животным, распинать. Больному рабу, брошенному господином, предоставлялись свобода и латинское гражданство (Гай. Институции, I. 53; Дигесты, I. 6. 1–2). В целях развития хозяйства и товарообмена стало практиковаться выделение рабу в самостоятельное управление некоторого имущества – *пекулия* (Дигесты, XV. 1. 7). Однако по обязательствам из договоров, заключенных рабами, цивильный иск по-прежнему был невозможен: *cum servo nulla actio est* (в отношениях с рабом нет иска). Поэтому ответственность по сделкам раба с вещами, входившими в *пекулий*, падала на его господина (Дигесты, XV. 1. 4). В случае отпуска господином своего раба (*манумиссии*) вольноотпущенник (*либертин*) получал права латинского гражданства. Но существовала и практика *iusta manumissio*, т. е. законной манумиссии, когда статус вольноотпущенника доводился до статуса римского гражданина: «Свободно то лицо, в отношении которого соблюдены три условия: чтобы он был старше тридцати лет, принадлежал господину по праву квиритов, был отпущен на волю праведным и законным способом» (Гай. Институции, I. 15–17). Служба в армии рабам и отпущенникам была запрещена, но либертины были допущены гребцами на флот и к службе в когортах городской стражи, осуществлявшей функции пожарных и полицейских. С середины I в. н. э. в Риме формируется имперский госаппарат, первыми служащими которого были рабы и отпущенники самих принцепсов.

Установление статуса свободнорожденного (*ingenui*) требовало особого рассмотрения. Форма государственного регулирования отношений, связанных с рабством и отпущенничеством, предполагала

участие в таких процессах претора, проконсула, императорского чиновника или самого императора. Даже жалобы господ на интимные связи рабов с их женами рассматривались органами государства, о чем упоминает Септимий Север (193–211 гг.), уточняя обязанности префекта Рима (Дигесты, I. 12. 5). Вольноотпущенники отличались от свободнорожденных по объему публичных прав, а в области частного права особенность их положения состояла в определенной зависимости от бывшего господина, теперь *патрона*. Либерт – *клиент* своего патрона, поэтому он не мог обвинять бывшего господина или его детей, должен был оказывать им трудовые услуги. Половина наследства либерта отходила к патрону или его детям. Такие отношения патроната – клиентелы были пожизненными и только дети вольноотпущенника достигали статуса свободнорожденного. Однако такой статус раб мог получить от императора, что достигалось предоставлением ему *права золотого кольца* (*ius anuli aurei*). Это освобождало вольноотпущенника от всех обязанностей относительно патрона, но завещать ему установленную часть наследства было необходимо по-прежнему. По законодательству императора Августа (30 г. до н. э. – 14 г. н. э.) раб, которого господин за какую-то вину заковал, заклеил, подверг пытке, будучи отпущен, становился *дедитицием*, т. е. свободным, но бесправным человеком, не имевшим даже возможности проживать в Риме. Все эти мероприятия имели целью не допустить притока в ряды плебса «неблагонадежных элементов» и сократить число претендентов на государственные раздачи, выполнявшие в то время функцию социальной поддержки беднейших граждан. Из сказанного можно заключить, что рабы и вольноотпущенники эпохи Империи – приниженная, но интегрированная часть римского общества. В целом рабские отношения получили в Римском государстве наиболее полное раскрытие, а сословная градация здесь была намного сложнее, чем в других государствах древности. Политическая же организация государства-общины совпадала в античности с гражданским обществом. Греческий полис и римская цивитас – это «сам себя организующий народ», а выборные магистраты, избиравшиеся из числа граждан, воплощали тогда публичную власть – исполнительную, гражданскую и военную. А поскольку полноправные граждане составляли в таком государстве лишь незначительное меньшинство, они вполне могут расцениваться, по мнению Ю. В. Андреева, и как правящая элита, и как публичная власть, отделенная от основной массы¹⁶. С точки зре-

ния социально-психологических факторов в полисном государстве сохранялась высокая степень интериоризации поведенческих норм, относящихся к гражданским правам и обязанностям. Полисное гражданское самосознание остается для нас и нормой, и недостижимым образцом. Именно оно породило античное искусство и науку, а также плеяду великих личностей, которая не имеет аналогий в истории.

Письма римских императоров к прокураторам провинций, эпиграфические данные и императорские конституции свидетельствуют о тщательности оформления акта дарования римского гражданства. В частности, в надписи из Банасы (африканская провинция Рима) говорится о том, что римское гражданство предоставляется жителям провинций только за особые заслуги перед Римским государством, главным образом представителям варварской знати, активно сотрудничавшей с римской администрацией. Ближайшая цель такого дарования состояла в «допущении варваров к совместному почитанию римских богов». В отдаленной перспективе предполагалось создание единообразия правового положения жителей Римской империи. Это было достигнуто в 212 г. с изданием эдикта императора Каракаллы (198–217 гг.), по которому права римского гражданства были распространены на все свободное население Империи, вернее на тех, кто подпадал под понятие *socii* и *foederati*, т. е. союзников Рима (Дигесты, I. 5. 17). Некоторые категории вольноотпущенников, а также широкий круг перегринов, принадлежавших преимущественно к сельскому населению провинций (*barbari dediticii*), и после издания эдикта Каракаллы оставались вне римского гражданства. Видимо, это было связано с тем, замечает М. А. Ельницкий, что сельские жители римских провинций не были организованы в общины муниципального, т. е. городского образца и поэтому не имели местных органов самоуправления. Приобретение же статуса римского гражданина в республиканскую эпоху *de iure* было связано с утратой перегринского местного гражданства. В эпоху же принципата перегрины, приобретая римское гражданство, сохраняли свои прежние общинно-гентильные права и обязанности, вытекающие из местного права. Тем самым, заключает исследователь, консервировались социальные и правовые установления различных категорий провинциальных городских общин перегринского типа с локальной автономией¹⁷. Так возник в Римской империи институт *двойного гражданства*.

В эпоху домината (IV–V вв.) элементы республиканского правосознания окончательно изживаются, жители империи теряют гражданские права и политические свободы, все в равной степени становятся подданными (*subiecti*) императора. Итогом всеобщей политической регламентации стала сложная иерархия сословий и чинов. Происходит резкое социальное и профессиональное размежевание. В III в. н. э. было законодательно оформлено разделение подданных империи на «почтенных» («достойных») и «низших». Гражданский статус представителей «низших» сословий перестал гарантировать им общественный престиж и социальную защищенность. И то и другое стали напрямую связывать с правом рождения и сословной принадлежностью. Рабы на пекулии, варвары-поселенцы, вольноотпущенники и прикрепленные к земле колонны превращаются в единое зависимое сословие. Наконец, в праве Юстиниана (VI в.) особые виды правоспособности исчезают и свободные жители Римского государства различаются только как *civis Romani* и *peregrini*. Перегринами, т. е. иностранцами, считались теперь все неподданные Рима. Римские юристы обосновали легитимность единоличной власти положением о том, что «римский народ перенес свою власть и величие на особу императора». Из этого следовало, что нарушение верности императору столь же тяжелое преступление, каким было в эпоху республики «оскорбление величества римского народа», что классифицировалось как измена родине. Поэтому автоматически монарх становится высшей судебной и апелляционной инстанцией, а также единственным источником новых законов, получивших форму императорских конституций. С точки зрения организации власти в эпоху принципата происходит трансформация полисно общинной организации в имперскую провинциально-муниципальную структуру. Ранняя империя – территориальное царство, в рамках которого имело место сосуществование различных общественных укладов – от первобытных образований на варварской периферии до высокодифференцированных структур в центре империи. Сущность политических процессов эпохи домината, т. е. поздней империи, состоит в окончательном оформлении централизованного бюрократического режима восточного типа, который современные романисты называют унитарным государством. Его объединяли общие управление, законодательство и идеология в фор-

ме христианства, получившего в это время статус государственной религии.

Выработанный в античности политико-правовой опыт повлиял на все последующие демократические государства и политические теории, поскольку это «наиболее ясные и отчетливые черты демократии вообще» (*М. Вебер*). Сформулированные в Древнем Риме на базе нравственных категорий юридические принципы широко интегрированы в современную правовую систему. Но при этом не следует игнорировать и мнение оппонентов античной демократии, выступающих против ее идеализации. Б. С. Ерасов, к примеру, утверждает, что механизм этой демократии функционировал как манипулирование демосом и плебсом, инструментами чего были раздачи благ и идейно-психологическая обработка граждан с помощью демагогии и зрелищ. И афинское, и римское общества базировались, утверждает этот ученый, на жестком делении на граждан и неграждан, а связь с трудом для свободных была значительно ослаблена за счет использования труда рабов-иноземцев¹⁸. Действительно, античная открытая демократия – это верховенство масс, в каком-то роде толпы, подверженной частой смене политических пристрастий и настроений. И тем не менее именно в античности помимо демократических политических институтов сформировался институт гражданства с такими четко выраженными понятиями, как правовая личность с ее субъективными полномочиями, в первую очередь – правом на частную собственность.

¹ Claessen Henri J. M., and Peter Skalnik. *The Early State*. The Hague: Mouton. 1978. P. 625 sqq.

² Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М., 2003. С. 67, 348–349, 368; Якобсон В. А. Государство и социальная психология // *Вестник древней истории*. 1989. № 4. С. 75–78.

³ Дождев Д. В. Методологические проблемы изучения римского права: индивид и гражданское общество // *Вестник древней истории*. 2003. № 2. С. 107–108.

⁴ Античный мир. Возникновение государства // *Вестник древней истории*. 1989. № 3. С. 90–101; Гражданская община и государство в античности // *Вестник древней истории*. № 4. С. 71–78; К итогам дискуссии о Римском государстве // *Вестник древней истории*. 1990. № 3. С. 68–75.

⁵ Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996. С. 8–10, 15.

⁶ Токмаков В. Н. Сакрально-правовые ритуалы подготовки к войне в архаическом Риме // *Власть, право, норма: светское и сакральное в античности и средневековом мире*. М., 2003. С. 80–81; Токмаков В. Н. Роль центуриатных комитий в развитии военной организации Рима ранней республики // *Вестник древней истории*. 2002. № 2. С. 143–157.

-
- ⁷ Гаспаров М. Л. Об античной поэзии. СПб., 2000. С. 77.
- ⁸ Штаерман Е. М. Римская собственность на землю // Вестник древней истории. 1974. № 3. С. 34–67; Савельев В. А. Власть и собственность: юридические аспекты // Древнее право. Вып. 1. М., 1996. С. 162–171; Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2000. С. 10, 14–15, 133–142.
- ⁹ Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2002. С. 379.
- ¹⁰ Гай. Институции. I, 119–122; Дигесты, I. 81–82 // Памятники римского права. М., 1997. С. 33–34, 174; Штаерман Е. М. Римское право // Культура Древнего Рима: В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 228.
- ¹¹ Дождев Д. В. Методологические проблемы изучения римского права: индивид и гражданское общество // Вестник древней истории. 2003. № 2. С. 94.
- ¹² Аристотель. Этика, V, 2 // Аристотель. Этика, политика, риторика, поэтика, категории. Мн., 1998. С. 246.
- ¹³ Ливий. I, 21,4 // Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 1. М., 1989. С. 28; Цицерон. О старости, о дружбе, об обязанностях. М., 1975. С. 141–142.
- ¹⁴ Смышляев А. Л. Няня-кормилица в суде римского наместника // Вестник древней истории. 2001. № 3. С. 39–43, 49–50.
- ¹⁵ Смирин В. М. Свобода раба и рабство свободного (к истории римского гражданского общества) // Вестник древней истории. 2000. № 2. С. 260–267.
- ¹⁶ Андреев Ю. В. Гражданское община и государство в античности // Вестник древней истории. 1989. № 4. С. 73.
- ¹⁷ Ельницкий М. А. Новые эпиграфические данные (tabula Vanasitana) и эдикт Каракаллы о римском гражданстве // Вестник древней истории. 1980. № 1. С. 167–168, 171.
- ¹⁸ Ерасов Б. С. Феномен «восточного деспотизма» как явление «нового мышления» // Восток. 2000. № 4. С. 8, 12.

